

— Тебе легко говорить! — возмущённо сказал Се Муцин, его щёки надулись, как у маленького хомячка. — Не у тебя там что-то торчит, и тебе не больно!

На самом деле, последние несколько месяцев Се Муцин чувствовал себя не очень хорошо. Хотя он понимал, что Чжао Хуайцзинь заботится о его здоровье и хочет уберечь его от травм, он всё равно не мог смириться с этим. Ему казалось, что он похож на тех юношей из сада Цинцзюй, которых использовали и бросали. И хотя об этом знали только они двое, его всё равно мучил стыд.

Чжао Хуайцзинь не понимал, о чём думал Се Муцин. Он считал, что дискомфорт Се Муцина был лишь физическим. Подойдя к кровати, он нежно поцеловал его в лоб:

— Милый, это последняя ночь. Ты продержался так долго, ещё одна ночь — это мелочь, — он говорил, как будто утешал ребёнка.

Его тон заставил Се Муцина почувствовать себя ещё более обиженным. Он был членом императорской семьи! Если бы он не любил Чжао Хуайцзиня всем сердцем, он бы никогда не согласился на такое. А этот человек даже не понимал его и думал, что он просто капризничает, хотя, конечно, в этом была доля правды...

Се Муцин всё больше погружался в свои мысли. Он даже подумал, что, если бы императрица Нинсинь была жива, она бы никогда не позволила ему страдать так.

Иногда слишком много думать — это плохо. Взгляните на Се Муцина: он так много думал, что его глаза покраснели...

Чжао Хуайцзинь встревожился. Что случилось? Почему он плачет?

— А Цин, что случилось? Ты где-то болит? Скажи мне.

Се Муцину стало ещё хуже. Почему ты совсем меня не понимаешь? Мне больно на душе! Он уткнулся лицом в одеяло и замолчал.

Чжао Хуайцзинь был в замешательстве. Что же произошло?

— А Цин, если ты мне не скажешь, как я пойму, о чём ты думаешь? Милый, высунь голову, под одеялом душно.

Он мягко, но настойчиво оттянул одеяло и прижал к себе Се Муцина с покрасневшими глазами. Се Муцин, чувствуя аромат лекарств, исходящий от Чжао Хуайцзиня и тёплого нефрита, покачал головой, показывая, что с ним всё в порядке, и что он просто капризничал.

Но Чжао Хуайцзинь так не думал. Всё происходит не просто так. Его А Цин не стал бы плакать из-за такой мелочи. Должно быть, что-то задело его чувствительное самолюбие.

— А Цин, мы — супруги. Мы должны быть откровенны друг с другом. Если что-то беспокоит, ты должен мне сказать, понятно? — он нежно целовал уголки глаз Се Муцина, подталкивая его к тому, чтобы он высказал свои мысли.

И он добился своего. Се Муцин, поддавшись его нежности, постепенно рассказал всё, что его беспокоило. Чжао Хуайцзинь был в замешательстве. Как его А Цин мог так далеко зайти в своих мыслях?

— Почему ты так много думаешь? — он с недоумением спросил. — Я думал, это простая проблема, а оказалось, что это нечто гораздо более серьёзное.

Этот вопрос был важным, и его нужно было обсудить. Он серьёзно подумал, ведь это касалось будущего их семейного счастья. Если не решить это сейчас, последствия могут быть печальными.

Он стал серьёзным:

— А Цин, скажи мне, почему ты так думаешь.

Мог ли Се Муцин сказать ему, что до сих пор считает чудом, что полюбил его? Мог ли он сказать, что такие мысли появились после того, как он случайно подслушал разговор Лин Шэнпина с его дядей?

Конечно, первое он сказать не мог, а второе — мог.

И Се Муцин без колебаний выдал Лин Шэнпина.

Для человека, который разрушает гармонию в чужой семье, Чжао Хуайцзинь не мог оставить это без внимания. Через некоторое время Лин Шэнпин, проверяя свои сбережения, обнаружил, что кое-чего не хватает. Это были не особо ценные золото или драгоценности, а чай высшего сорта, который он обещал Императорскому наставнику! Теперь ему придётся несладко! Лин Шэнпин почувствовал, что его мир погрузился во тьму.

Сначала он оказался заперт в императорском дворце, не имея возможности проявить себя. Затем он влюбился, напился и потерял невинность. И хотя он был тем, кто пострадал больше, его ещё и обвинили во всём. И этот человек, Императорский наставник, до сих пор не отпускал его...

Какая ужасная жизнь! И всё из-за того, что он влюбился в Се Муцина. Это было решение, о котором он будет жалеть всю жизнь!

Лин Шэнпин, прячась в кустах Императорского сада, думал: если бы он не влюбился в Се Муцина, он бы не приехал в столицу, не попал бы во дворец, не потерял бы невинность и не оказался бы в такой ситуации.

— Всё из-за тебя, я оказался в таком положении, всё из-за тебя, Се Муцин... — он злобно рвал листья, не замечая тени, нависшей над ним.

— Что это я слышу? Кто-то осмелился оскорблять наследного принца? — Императорский наставник спокойно смотрел на человека, сидящего на земле. Он долго искал его.

Лин Шэнпин подумал, что, должно быть, в прошлой жизни он совершил какой-то страшный грех.

— Управляющий Лин? — Императорский наставник снова спросил, сохраняя добродушный тон.

Лин Шэнпин, увидев его улыбку, почувствовал дрожь. Что он ещё задумал?

— А, это вы, Императорский наставник. Чем могу помочь? — он глупо улыбнулся, почесав голову, решив притвориться дурачком. Неужели из-за нескольких унций чая он дойдёт до императора?

— Управляющий Лин, а где тот чай, который ты мне обещал? Прошло столько времени, а я даже не видел ни одной чаинки!

Так и есть, он пришёл за долгом! Кровопийцы! Лин Шэнпин вспомнил Се Муцина, который пару дней назад настойчиво пытался забрать несколько унций чая «Снежные горы и облака», и мысленно выругался.

Забирай, если хочешь, но зачем всё забирать? Ты что, хочешь, чтобы меня посадили в тюрьму? Он молча ругал себя, защищая свои запасы чая. В конце концов, Се Муцин сдался и взял лишь немного, но перед уходом он сказал что-то, что заставило Лин Шэнпина содрогнуться:

— Я ещё вернусь!

Зачем тебе возвращаться? Ты же наследный принц, неужели тебе не хватает нескольких унций чая? Он что, думает, что я не знаю, что во дворце есть свои запасы?

Лин Шэнпин чувствовал, что его жизнь в руках этих королевских сумасшедших становится всё короче. Возможно, он скоро покинет этот прекрасный мир, и это его совсем не радовало.

Он решил, что должен найти способ как можно скорее покинуть дворец и держаться подальше от этих королевских психопатов!

С этой мыслью он почувствовал прилив энергии.

— Императорский наставник, могу я предложить вам сделку?

Императорский наставник внутренне обрадовался. Неужели он наконец понял его чувства? Но на лице он сохранил холодность:

— Что ты хочешь сказать?

Лин Шэнпин набрался смелости:

— Я могу достать вам всё, что есть в сокровищнице императора, но взамен помогите мне покинуть дворец.

— Покинуть дворец? — лицо Императорского наставника стало нечитаемым. Даже Лин Шэнпин, имевший большой опыт в делах, не мог понять, о чём тот думал.

— Покинуть дворец? Ты хочешь уйти? — Императорский наставник повторил.

Лин Шэнпин смутился:

— Да, я хочу...

Он не успел договорить, как услышал всё более хриплый голос Императорского наставника:

— Ты хочешь уйти?

...Ты совсем с ума сошёл? Лин Шэнпин хотел схватить его за уши и закричать.

Но с сильными мира сего не поспоришь. Он улыбнулся подобострастно:

— Да, я хочу покинуть дворец, прошу вас...

— Никогда... не... покидай... меня... ты... мой... — перед тем как потерять сознание, Лин Шэнпин увидел лишь ледяное лицо Императорского наставника и смутные слова.

Он точно сошёл с ума! Лин Шэнпин потерял сознание.

Императорский наставник одним ударом оглушил беззащитного Лин Шэнпина:

— Ты никогда не покинешь меня, ты мой! — он произнёс каждое слово с холодной уверенностью, а затем безжалостно оттащил этого непокорного человека, который хотел уйти, обратно в Дворец Синчэнь, где связал его и приковал к кровати.

Затем он отправился в Дворец Чаннин, где долго беседовал с Чжао Хуайцзином за закрытыми дверями. Выйдя, он держал в руках изящно упакованную шкатулку и рецепт, после чего с холодным выражением лица удалился.

— Что ты дал моему дяде? — любопытный Се Муцин прижался к своему любимому.

<http://bllate.org/book/17702/1653054>